

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2024 – 2025 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

11 класс

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Евгений Замятин

(1884 – 1937)

Часы

В этом рассказе не появляются на сцене никакие в Бозе почившие высокие особы. Мой скромный герой Семён Зайцер – или, если угодно, товарищ Зайцер – благополучно здравствует по сей день и проживает всё там же, в доме N 7 по Караванной улице в Ленинграде. И тем не менее – это рассказ исторический, ибо описываемые здесь происшествия случились в ту романтическую эпоху, когда время в России считалось ещё на года, а не на пятилетки, когда водка была объявлена буржуазным ядом и жаждущие забвения пили одеколон, когда в синей морозной пустыне петербургских улиц всю ночь щёлкали выстрелы, когда весёлые бандиты отпускали домой прохожих в одном воротничке и галстук, когда лучшим подарком любимой девушке был перевязанный ленточкой фунт сахару, когда всего за один воз дров товарищ Зайцер приобрёл свои знаменитые золотые часы.

Зайцер был великий человек: он заведовал заготовкой дров для замерзающего Петербурга, он подписывал дровяные ордера, он согревал людей, как солнце, – круглый, рыжий, сияющий. И если вы осмеливались когда-нибудь смотреть на солнце, вы заметили, вероятно, что у него не только сияющий, но как бы несколько ошеломлённый своим собственным сиянием вид. Именно такое самоудивление было на лице товарища Зайцера: брови у него всегда были выразительно вздёрнуты вверх, как будто он до сих пор никак не мог поверить, что он, Зайцер, вчерашний портновский подмастерье в городе Пинске, сидит теперь в собственном служебном кабинете, что в его распоряжении находится секретарша Верочка, что у него в жилетном кармане лежат золотые часы, что...

Впрочем, раскроем лучше все карты сразу и, не тратя драгоценных строк, скажем прямо, что вышеупомянутый фунт сахару с розовой ленточкой был преподнесён именно товарищем Зайцером секретарше Верочке и что золотые часы были им приобретены тоже ради Верочки – в качестве противоядия серебряному кавказскому поясу, на днях

появившемуся на тонкой талии товарища Кубаса, секретаря коммунистической ячейки и редактора стенной газеты в зайцерском учреждении.

Но Верочка – увы! – не замечала знаменитых золотых часов. Товарищ Зайцер уже несколько раз щёлкал крышкой, он положил часы перед собой на грудку бумаг, а Верочка по-прежнему рассеянно смотрела в окно на медленные хлопья снега. Товарищ Зайцер наконец не выдержал и сказал:

– Слушайте, товарищ Верочка, вы видели такие часы, а? Так я вам скажу, что вы – нет, не видели!

Он сверкнул в воздухе часами, сунул их в жилетный карман – и Верочка сейчас же услышала как бы исходившую из недр самого Зайцера нежнейшую фейную музыку и затем серебряный звон: девять. Верочка широко открыла глаза (они были синие). Зайцер, сияя, объяснил, что стоит только незаметно нажать в часах «вот здесь, на ихний, так сказать, животик, – и вы уже имеете и музыку, и время!» Верочке сейчас же захотелось попробовать самой – можно? Боже мой, ну что за вопрос! Ну, конечно!

Верочка подошла к товарищу Зайцеру. Она стала нащупывать рукой скрытую в его груди (точнее – в жилетном кармане) музыку. Совсем близко перед глазами Зайцера была её шея, её обнажённая до локтя рука. Верочка была вся чуть позолочена, она вся была покрыта тонким золотым пушком, она была слегка меховая – и может быть, именно это-то в ней и было то самое, что могло свести с ума хоть кого. Когда Верочка нашла наконец часы и нажала на них рукой, это было так, как будто она тихонько сжала в руке сердце товарища Зайцера. Его пойманное сердце забилося, он решил: как только часы кончат свою музыку – он немедленно скажет Верочке то, что он давно уже хотел сказать, но всё никак не мог набраться храбрости.

Очень вероятно, что он и в самом деле сказал бы, если бы в этот момент в кабинет не вошёл товарищ Кубас. Верочка, покраснев, выпрямилась, Зайцер зашуршал бумагами, ядовитый змеиный хвостик улыбки мелькнул и спрятался в углу губ товарища Кубаса. Он нарочно помедлил секунду и затем подсушенным официальным тоном заявил, что товарищ Вера должна быть сегодня откомандирована для составления очередного номера стенной газеты. Зайцер приветливо улыбнулся:

– Дорогой товарищ Кубас, вы же забываете, что сегодня вечером у нас заседание и я должен продиктовать моей (подчёркнуто) секретарше доклад о весенней кампании по заготовке дров. Товарищ Вера, принесите сюда свою пишущую машинку, я вас прошу...

Верочка вышла. Снимая чехол с машинки, она слышала сквозь дверь кабинета, как голоса там становились всё громче, как они поднялись до крика. «Без неё я не могу выпустить стенгазету! Вы срываете работу по политическому воспитанию трудящихся!» –

кричал Кубас. «А вы суёте свою палку в колесо отопления красной столицы!» – кричал Зайцер. Верочка знала, что именно от неё зависит политическое воспитание трудящихся и отопление красной столицы. Но она до сих пор не могла понять своего сердца: кто – товарищ Зайцер или товарищ Кубас? Зайцер – уютный и тёплый, у него дрова и часы и квартира (не комната, а целая квартира!). У Кубаса – перетянутая серебряным поясом тонкая талия, у него острые птичьи глаза, с ним страшно, но... Что «но», Верочке было неясно. Ясно было только одно, что срок пришёл, что если не сейчас – там, в кабинете, то сегодня вечером, ночью, завтра утром всё должно было наконец как-то разрешиться. Но как? Как – чтобы не пришлось потом жалеть о сделанной ошибке? Верочка вздохнула, своими пушистыми руками осторожно подняла тяжёлую, как судьба, машинку и понесла её навстречу роковым решениям в кабинет.

– Сидите, прошу вас, – сказал Верочке Зайцер. – Я сейчас буду вам диктовать.

– Ах, так? Очень хорошо! – товарищ Кубас кинул Зайцера глазами и вышел.

Верочка положила руки на клавиши. В тишине было слышно, как тяжело дышал Зайцер. Он смотрел на её руки... За окном падал пушистый снег.

– Да... Так вот, значит, – весна, – сказал Зайцер.

– Весна? – удивилась Верочка.

– Если я говорю, что весна, то, значит, – да, весна. Пишите: «К началу нашей весенней кампании...»

Товарищ Зайцер, наперекор стихиям, был прав. Вы думаете, что весна – это розовое, голубое и соловьи? Сентиментальный предрассудок! На снежной поляне два вчера ещё пасшихся рядом оленя вдруг кидаются один на другого из-за оленьей девушки – это весна. Вчера ещё смирные, как олени, люди сегодня становятся героями и окрашивают снег своей кровью – это весна. Цвет весны не голубой, не розовый, а красный – опасности, страсти, лихорадки, сражения.

Вечернее заседание в зайцеровском кабинете было сражением, вернее, поединком. Верочка лихорадочно стенографировала выстрелы – иначе нельзя было назвать реплики, которыми обменивались противники. Каждый пункт в докладе Зайцера Кубас осыпал двадцатидюймовыми цитатами из Ленина. Каждый куб дров становился чем-то вроде знаменитого «дома паромщика» в марнских боях.

– Слушайте, товарищ Кубас, этак мы и к утру не кончим! – не выдержал председатель.

Чтобы не компрометировать себя капиталистическим блеском золота, Зайцер ещё в начале заседания положил свои часы в ящик письменного стола. Теперь он незаметно выдвинул ящик, взглянул: двенадцать. Уже замолкли звонки последних трамваев, уже вышли на промысел ночные бандиты, когда наконец началась баллотировка. Верочка в

лихорадке подсчитывала голоса: она знала, что голосуются не кубические метры дров, но человеческие сердца.

Десять голосов против одного. Этот один, разбитый наголову, туго стянув свой серебряный кавказский пояс, ушёл, не прощаясь ни с кем. И, разумеется, счастливый победитель – Зайцер отправился провожать Верочку домой.

Чуть сияющие снегом ущелья улиц были темны и пусты: нигде ни души, ни единого огонька в чёрных окнах. Если бы товарищ Зайцер был теперь в этой пустыне один, он, может быть, шёл бы на цыпочках, чтобы не было слышно скрипа его сапог на снегу, он, вероятно, шарахнулся бы от первого встречного в сторону, он, конечно, пустился бы бежать во всю прыть. Но сейчас, когда где-то впереди мелькнул выстрел и тёплая рука Верочки вздрогнула в его руке, Зайцер только засмеялся:

– Ну и что? Пусть себе стреляют, я же с вами.

Это был новый, героический Зайцер. Этому Зайцеру даже хотелось, чтобы случилось что-нибудь страшное, он ничего не боялся. Кроме только одного: предстоящего сейчас объяснения с Верочкой. Боже мой... как, с чего начать? Начать – это страшнее всего.

Зайцер неистово крутил пуговицу своего пальто, как будто она-то и мешала ему раскрыть рот. Пуговица наконец оторвалась, Зайцер заговорил:

– Я вам хочу сказать, Верочка, одну вещь...

«Вот оно!» Верочкина рука вздрогнула, как недавно от выстрела.

– Какую вещь? – спросила Верочка, хотя она и отлично знала – какую.

– У моей мамы – кошка вчера окотилась, – выпалил Зайцер.

Верочка в полном недоумении посмотрела на Зайцера. Зажмурив глаза, он продолжал умилённым, тёплым голосом:

– ...Знаете, лежит и себе поёт, и семеро котят. И я смотрю и говорю: «Ой, Семён, ты тоже мог бы петь, как эта счастливая семейная кошка...»

По-видимому, Верочка слишком живо вообразила товарища Зайцера в счастливом положении семейной кошки: ямочка на правой щеке у ней задрожала, она закрыла рот рукой. Зайцер увидел это и понял: она сейчас вслух засмеётся – и тогда погибло всё... Он в ужасе ждал этого смеха, как в романах Толстого герои ждут взрыва крутящейся бомбы.

И вдруг он почувствовал, что пальцы Верочки крепко стиснули его руку, она вся прижалась к нему. Зайцеру захотелось неистово закричать от счастья. Он нагнулся к Верочке ближе...

– Да смотрите же! – испуганно шепнула ему Верочка.

Тогда Зайцер увидел: с противоположной стороны улицы наперерез им быстро шёл высокий человек в военной шинели без погон. Одну секунду, не больше, существовал

прежний Зайцер, попятившийся назад. Но тотчас же новый, героический Зайцер скомандовал Верочке: «Прячьтесь в подъезд!» – шагнул навстречу бандиту и, заняв позицию недалеко от проглотившего Верочку тёмного подъезда, остановился. Зайцер весь дрожал, но это не был страх: так, бурля, дрожит паровой котел, напряжённый до предела своих пятнадцати атмосфер.

Человек в военной шинели подошёл и тоже остановился. Страшная бесконечная пауза. Зайцер не мог больше ждать. Пересохшим голосом он сказал:

– Ну, и что?

Держа руку в кармане (револьвер!), человек молчал. Зайцер успел схватить глазами наглые, как у кайзера Вильгельма, усы и очень белые, крепкие зубы.

Человек молчал, явно издеваясь: это для Зайцера было ясно. И ещё яснее это стало, когда усы зашевелились и хрипло спросили:

– Спички есть?

Зайцер кипел, ему хотелось сразу же кинуться, ударить, но он принял вызов, он притворился, что поверил в спички, он достал коробок, зажёг. Человек нагнулся к Зайцеру совсем вплотную, бесцеремонно взял его рукою за борт пальто, отогнул – чтобы ветром не задуло зажжённую спичку, закурил. Зайцер увидел: на пальце человека блеснул перстень (снятый с кого-то, может быть, в эту же ночь). Зайцер почувствовал лёгкое, едва заметное прикосновение чужой руки. Он хотел уже потушить спичку, чтобы не видеть издевательски шевелящихся усов, как вдруг в красноватом пламени спички перед Зайцером проплыли в воздухе... золотые часы.

Потребовалась какая-то доля секунды, чтобы Зайцеру стала ясна вся механика проделанного бандитом трюка с закуриванием папиросы. И ещё доля секунды, чтобы схватиться за свой жилетный карман: часов там уже не было. Сердце у Зайцера бешено забилося, он бросил ещё горящую спичку прямо в лицо грабителя, выхватил у него свои часы и дико заорал (он никогда не думал, что у него может быть такой голос):

– Руки вверх! Застрелю! – и сунул руку в карман своего пальто.

Этот жест был так решителен, отпор был так неожидан, что бандит поднял руки вверх, а затем, не дожидаясь, пока Зайцер выстрелит, согнулся и, делая петли, побежал в темноту за углом.

Зайцер вынул из пальто платок (никакого револьвера, конечно, у него там не было) и вытер пот. Он ещё весь дрожал, когда к нему подбежала бледная Верочка.

– Что? Что? – схватила она его за руку.

– Ничего. Вот... – Зайцер встряхнул на ладони отвоёванные часы. – Негодяй! Он их уже вытащил, вы понимаете? Но он-таки серьёзно ошибся со мной.

– Но как же вы не боялись, что он... Нет, я даже не думала, что вы – такой! – глаза у Верочки восторженно блестели.

– Я вам скажу, Верочка, что если бы он даже выстрелил, то мне это всё равно, потому что я сейчас как сумасшедший, потому что я вас... Ой, боже мой, вы же, Верочка, знаете!

Верочка, блестя глазами, молчала. Но там, внизу, в темноте, рука Верочки, ласкаясь, как кошка, медленно вползла в рукав Зайцера, его ладони коснулась кисть, покрытая невыносимым пушком. Сердце Зайцера оторвалось, как от ветки сладкое, спелое яблоко, и упало вниз.

– Ну, и что же вы молчите? Я же не могу больше! – крикнул Зайцер.

– Я вам лучше скажу завтра утром, хорошо?

Но Верочкины глаза и лёгкое движение её руки всё сказали Зайцеру уже сейчас... На утро осталась, по-видимому, только банальная счастливая развязка. Впрочем, не правильнее ли будет сказать, что банальной из зависти называют её те, кому не дано судьбой чувствовать весну в любое время года.

Неизвестно, спал ли товарищ Зайцер в эту весеннюю снежную ночь (едва ли). Неизвестно, спала ли Верочка (может быть). Но наутро к приходу товарища Зайцера все в его учреждении уже знали, что он – герой. Когда наконец он появился, его окружили, его засыпали вопросами, поздравлениями, улыбками. Не останавливаясь, пробормотав что-то неясное, Зайцер устремился в свой кабинет. Странно, но вид у него был совершенно не соответствующий его героическому положению: он был растерян, бледен. Может быть, это было результатом бессонной ночи, может быть, он слишком волновался в ожидании встречи с Верочкой и её обещанного ответа. Ещё страннее было, что, вбежав в свой кабинет, он только испуганно, боком взглянул на Верочку, кивнул ей и сейчас же кинулся к письменному столу. Торопливо расстегнув пиджак, он вынул свои золотые часы, бросил их на грудку бумаг, выдвинул ящик стола – и, нагнувшись над ним, застыл. Брови его были подняты до крайнего, допускаемого природой, предела.

– Что случилось? – испуганно подбежала к нему Верочка.

– Что случилось? – чужим голосом сказал Зайцер. – Вот что случилось!

Из ящика письменного стола он достал и рядом с золотыми часами положил... золотые часы. Верочка круглыми глазами смотрела, ничего не понимая.

– Так я же его ограбил – этого негодяя! – в отчаянии закричал Зайцер. – Вот же мои часы, они себе лежали здесь, а тот подлый бандит имел свои часы, вы поняли, да?

Верочка поняла. Зайцер увидел, как задрожала ямочка на её правой щеке. Она отвернулась. Какой-то странный звук, похожий на задушенное рыдание, через секунду – взрывы неистового, неудержимого смеха – и Верочка стремглав вылетела в дверь.

Вероятно, она упала там, корчась, задыхаясь, на первый попавшийся стул. Из кабинета было слышно, как она сказала, вернее, крикнула что-то столпившимся около неё сослуживцам – и следом за тем стихийная катастрофа хохота, перекидываясь из комнаты в комнату, из этажа в этаж, охватила всё учреждение товарища Зайцера.

Засунув пальцы в волосы, он сидел один в кабинете. Перед ним лежало двое золотых часов. Когда скрипнула дверь и в кабинет просунулась чья-то голова, Зайцер, не поднимая глаз, пробормотал:

– Я сейчас занят. Завтра...

Больше уж никто не рисковал к нему войти – и меньше всех Верочка: она знала, что, как только она его увидит – она не вытерпит и опять засмеётся ему в лицо.

Когда в учреждении затихли последние шаги, захлопнулись последние двери, Зайцер встал, сунул в карман свои (настоящие свои) часы, подошел к столику, на котором стояла прикрытая чехлом Верочкина машинка. Горькими глазами он посмотрел на её пустой стул, прижал руки к сердцу. Рядом с сердцем помещались часы – и эти проклятые, погубившие его часы заиграли свою музыку. Зайцер яростно надавил рукой, чтобы музыка перестала, в часах что-то хрустнуло – они замолчали.

Пустые, обезлюдевшие комнаты, лестница, вестибюль. На стене в вестибюле Зайцер увидел экстренный номер стенгазеты, выпущенный сегодня Кубасом (и может быть, Верочка ему помогала). Там был изображён маленький смешной человечек с свирепыми вздёрнутыми бровями, в каждой руке у него были огромные часы. Внизу была крупная подпись: «Руки вверх!»

Зайцер поспешно отвернулся и вышел, навсегда, из своего учреждения, из сердца Верочки, из этого рассказа.

1934

Примечания:

«Дом паромщика» в марнских боях – la Maison du Passeur, дом на реке Изер, не имевший стратегического значения, который много месяцев переходил из рук в руки, пока от него ничего не осталось; для французов – один из символов бессмысленности Первой мировой войны.

Баллотировка – подача голосов при избрании лица на должность (первоначально – посредством белых и чёрных шаров – «баллов»).

Иннокентий Анненский

(1855 – 1909)

Зимний поезд

Снегов немую черноту
Прожгло два глаза из тумана,
И дым остался на лету
Горящим золотом фонтана.

Я знаю — пышущий дракон,
Весь занесён пушистым снегом,
Сейчас порвёт мятежным бегом
Заворожённой дали сон.

А с ним, усталые рабы,
Обречены холодной яме,
Влачатся тяжкие гробы,
Скрипя и лязгая цепями.

Пока с разбитым фонарём,
Наполовину притушённым,
Среди кошмара дум и дрём
Проходит Полночь по вагонам.

Она — как призрачный монах,
И чем её дозоры глуше,
Тем больше чада в чёрных снах,
И затеканий, и удуший;

Тем больше слов, как бы не слов,
Тем отвратительней дыханье,
И запрокинутых голов
В подушках красных колыханье.

Как вор, наметивший карман,
Она тиха, пока мы живы,

Лишь молча точит свой дурман
Да тушит чёрные наплывы.

А снизу стук, а сбоку гул,
Да всё бесцельней, безымянней...
И мерзок тем, кто не заснул,
Хаос полусуществований!

Но тает ночь... И, дряхл и сед,
Ещё вчера Закат осенний,
Приподнимается Рассвет
С одра его томившей Тени.

Забывшим за ночь свой недуг
В глаза опять глядит терзанье,
И дребезжит сильнее стук,
Дробя налёты обмерзанья.

Пары желтеющей стеной
Загородили красный пламень,
И стойко должен зуб больной
Перегрызать холодный камень.

1908